

Зверев Кирилл Александрович

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1920-1930-Е ГГ.

В статье рассматривается процесс формирования и развития русскоязычной диаспоры в Эстонской Республике в 1920-е - 1930-е гг., а также политика молодого эстонского государства по отношению к национальным меньшинствам. Описываются как трудности, с которыми сталкивалось русскоязычное население в указанный период, так и специфика русскоязычной диаспоры Эстонии по сравнению с другими национальными меньшинствами страны (немцами, финнами, шведами). Анализируются причины и следствия эстонской государственной политики по отношению к национальным меньшинствам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/8/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (110). С. 33-37. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Анализ полученного результата показывает, что коэффициентами при $r_n r_p$, r_n^2 и r_p^2 можно пренебречь. В результате получаем уравнение регрессии, которое будет иметь вид:

$$\sigma_s = C_0 + C_1 r_n + C_2 r_p \quad (1)$$

или

$$\sigma_s = 193,6 - 36,506 r_n - 35,799 r_p \quad (2)$$

Из полученных результатов видно существенное влияние изменения характеристик материала на результаты. Колебание коэффициентов регрессии в уравнении (2) достигает 60%, а напряжение в опасном сечении может изменяться на 18%. При наладке штампов для вытяжки коробчатых деталей напряжениями в опасном сечении можно управлять, изменяя не только радиусы на перетяжном ребре, но и на прижиме.

Выводы

1. Предложенная модель деформирования фланца под прижимом при вытяжке деталей коробчатой формы имеет отклонение от экспериментальной не более 15%.

2. Радиусы на перетяжном ребре и прижиме практически одинаково влияют на максимальные напряжения в опасном сечении.

3. При проектировании технологических процессов необходимо учитывать изменения механических свойств, толщины металла и коэффициента трения на выходные параметры расчета. Доказано, что колебание напряжения в опасном сечении может достигнуть 18%.

Список литературы

1. Демин В. А. Инновационные технологии производства заготовок обработкой давлением // Научно-технические технологии в машиностроении. 2014. № 8 (38). С. 3-5.
2. Демин В. А. Повышение качества заготовок при производстве методом давления // Научно-технические технологии в машиностроении. 2015. № 8 (50). С. 3-5.
3. Демин В. А. Проектирование процессов толстолистовой штамповки на основе прогнозирования технологических отказов. М.: Машиностроение-1, 2002. 186 с.
4. Демин В. А., Бадулин Д. Н. Влияние отклонения характеристик заготовок на результаты расчета процессов обработки давлением // Научно-технические технологии в машиностроении. 2015. № 12 (54). С. 41-44.
5. Попов Е. А., Ковалев В. Г., Шубин И. Н. Технология и автоматизация листовой штамповки: учебник для вузов. М.: Изд. МГТУ им. Баумана, 2003. 278 с.

STUDYING THE DRAWBEAD SHAPE EFFECT ON TENSIONS WHEN STRETCHING A BOX BODY

Zarodov Maksim Sergeevich

Bauman Moscow State Technical University
maxzar02@mail.ru

The article is devoted to studying the drawbead shape effect on the stress-deformed state when stretching box bodies from plates. A mathematical model of the process is developed using the *AutoForm* software package and the findings are verified experimentally. The author evaluates how the change of mechanical, geometrical characteristics of the workpiece and changing grease conditions influence maximal tensions.

Key words and phrases: machine-building; sheet stamping; stretching; box body; drawbeads.

УДК 94(474.2)"19"(=161.1)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается процесс формирования и развития русскоязычной диаспоры в Эстонской Республике в 1920-е – 1930-е гг., а также политика молодого эстонского государства по отношению к национальным меньшинствам. Описываются как трудности, с которыми сталкивалось русскоязычное население в указанный период, так и специфика русскоязычной диаспоры Эстонии по сравнению с другими национальными меньшинствами страны (немцами, финнами, шведами). Анализируются причины и следствия эстонской государственной политики по отношению к национальным меньшинствам.

Ключевые слова и фразы: русскоязычное население; национальные меньшинства; диаспора; национальная политика; титульная нация; эстонизация; самоорганизация.

Зверев Кирилл Александрович, к.и.н.

г. Кострома
zverew.kir@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1920-1930-Е ГГ.

Современная Эстонская Республика является вполне состоявшимся независимым государством, членом Европейского Союза, НАТО и множества других международных организаций. Однако в Эстонском государстве, вплоть до настоящего времени, существуют межнациональные трения (между русскоязычным

населением и титульной нацией) [3, с. 164; 4, с. 53], которые не удаётся урегулировать в течение уже более чем 25 лет. Кроме того, в свете миграционного кризиса 2015-2016 гг. в ЕС и прибытия в Эстонию первых эмигрантов в марте 2016¹ встаёт вопрос о необходимости выработки новых адекватных принципов и методов национальной политики с целью интеграции вновь прибывших эмигрантов. В этой связи было бы особенно интересно изучить опыт первой Эстонской Республики (1920-1930-х гг.), столкнувшейся со схожими проблемами почти столетие назад.

Цель настоящей статьи состоит в изучении проблемы формирования и становления русскоязычной диаспоры Эстонской Республики в 1920-1930-е гг. Объектом исследования данной статьи является русскоязычное население Эстонской Республики в 1920-1930-е гг. Предметом исследования – процесс формирования русскоязычного населения Эстонской Республики в указанный период.

Хронологические рамки исследования обусловлены 1920 г. (окончанием Гражданской войны в Эстонии, подписанием Тартуского мирного договора, признанием независимости Эстонской Республики) и 1940 г. (вхождением Эстонии в состав СССР).

Эстонская Республика провозгласила свою независимость 24 февраля 1918 г., но международное признание получила только после подписания с РСФСР Тартуского мирного договора 2 февраля 1920 г. Молодое эстонское правительство сразу же столкнулось с множеством проблем: необходимо было «с нуля» создавать собственную государственность, восстанавливать разрушенную войной (Первой мировой и Гражданской) экономику, решать «земельный вопрос» и налаживать контакты с представителями других национальностей – в первую очередь с русским населением (в том числе прибывающими из Советской России беженцами и остатками Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича), а также с местными балтийскими немцами (недавними противниками в Гражданской войне).

Территория современной Эстонской Республики вошла в состав России в результате Северной войны в 1721 г. и почти двести лет пребывала в составе Российской империи, но её население практически не подверглось русификации. По данным переписи населения 1897 г. на территории Эстляндской губернии (меньшей по сравнению с современной территорией Эстонской Республики на пять уездов, входивших в состав Лифляндской губернии) родным языком считали эстонский 87,5% населения, русский – 4,6%, немецкий – 5,7% [7]. Первая после создания Эстонского государства перепись 1922 г. зафиксировала практически тот же процент эстонцев (87,6%), а наиболее крупным национальным меньшинством были русские (8,23%) и немцы (1,65%), представители же других национальностей составляли менее 1% [13]. Двукратный рост количества русских объясняется белой эмиграцией (бегством противников большевиков из Советской России), а также изменениями границ.

По данным переписи 1934 г. национальный состав населения изменился незначительно: эстонцы – 88,11%; русские – 8,23%; немцы – 1,45% [Ibidem].

Таким образом, первую Эстонскую Республику нельзя было назвать в полной мере мононациональным государством. Издревле на этой территории проживали представители разных национальностей, но всё же, как видно из приведённых выше данных, подавляющее большинство составляли эстонцы. Здесь особо стоит отметить, что немцы, финны, шведы обосновались в Эстонии ещё в период Средневековья. Но молодому Эстонскому государству нужно было интегрировать данные меньшинства в новое национальное государство эстонцев, а это было нелёгкой задачей в силу исторического развития данной территории. Так, например, немцы столетиями были классом господ и пользовались рядом привилегий: имели своё самоуправление в городах и сельской местности, владели большей частью земельных наделов и промышленных предприятий, занимали большинство государственных должностей; немецкий имел статус официального языка делопроизводства (наряду с русским); на немецком языке можно было получать среднее и высшее образование, выпускались газеты и литература. Кроме того, немецкое дворянство в ходе Гражданской войны в Прибалтике выступило против создания независимых национальных государств и боролось против эстонских национальных частей, но потерпело поражение.

Русское население также проживало на территории Эстонии с давних времён, например, старообрядцы переселились в Эстонию ещё в конце XVII – начале XVIII в. и проживали в небольших городах и деревнях на западном побережье Чудского озера. В течение XIX – начале XX в. в Эстляндскую и Лифляндскую губернии прибывали русские чиновники, военные, предприниматели, но массового переселения не происходило, так как царское правительство не ставило целью изменить национальный состав Прибалтийских губерний, а местная элита (балтийские немцы) также не была в этом заинтересована. До 1917 г. русский язык был официальным языком делопроизводства в Прибалтике (наряду с немецким), на русском языке были доступны все ступени образования, выпускались газеты и литература. Также по результатам Тартуского мирного договора между Эстонской Республикой и РСФСР от 2 февраля 1920 г. Эстония получила территории восточнее р. Нарвы и Печёрский район Псковской губернии, населённые русскими крестьянами [11].

Если сравнить позиции двух крупных национальных меньшинств – русских и немцев, – то получается, что позиции немецкого населения были гораздо сильнее. Балтийские немцы имели глубокие корни в Прибалтике, веками проживая среди покорённого местного населения. Постоянно опасаясь за потерю своего господствующего положения, немецкая диаспора научилась быть сплочённой и консолидированно отстаивать свои права, опираясь при этом на сильную экономическую базу своей диаспоры (хотя её и пошатнули земельная реформа 1919 г.

¹ Всего в 2016-2017 гг. Эстония должна принять более 550 беженцев из стран Ближнего Востока и Африки по квотам общеевропейской программы ЕС.

и конфискация помещичьих земель). Также немецкое население всегда могло рассчитывать на помощь и поддержку со стороны метрополии – Германии. Русскоязычная община никогда не была сплочённой, так как изначально формировалась из различных групп населения (старообрядцы, чиновники) и необходимости в консолидации не было, потому что в условиях существования Российской империи никакой угрозы правам русского населения в Прибалтийских губерниях не могло быть. Кроме того, около половины русских жителей нового Эстонского государства являлись беженцами с территории Советской России [13], не имевшими в Эстонии ни корней, ни какого-либо имущества. Русская диаспора не могла рассчитывать на финансовую мощь, так как состояла в основной своей массе из чиновников (большая часть которых потеряла работу в независимой Эстонии), рабочих крупных предприятий, эмигрантов из Советской России и сельских жителей (Принаровья, Причудья и Печор), а также не могло быть и речи о поддержке со стороны метрополии – Советской России. Новое советское государство после подписания Тартуского мирного договора не поддерживало соотечественников материально, не присылало ни учителей, ни деятелей культуры и т.д. В то же время немцы, шведы и финны через культурные обмены поддерживали тесные контакты с родиной.

Перечисленные выше особенности впоследствии скажутся на положении данных национальных меньшинств и на политике по отношению к ним со стороны Эстонского государства.

Если немецкая, шведская, финская общины уже были оформлены как диаспоры, то русской общине ещё только предстояла подобная трансформация. Так, процесс формирования из разрозненных частей единого русского национального меньшинства можно разделить на три периода:

1. 1920 г. – середина 1920-х гг. – период растерянности, неверие в будущее Эстонской Республики (вера в скорое падение большевизма и возвращение в Россию), эмиграция части населения за границу.

2. Середина 1920-х гг. – первая половина 1930-х гг. – период адаптации, создание эмигрантских организаций, школьной сети и т.д.

3. Вторая половина 1930-х гг. – завершающий период оформления русскоязычного населения в диаспору. Вырастает новое поколение русских, интегрированных в эстонское общество, владеющих эстонским языком, связывающих своё будущее с Эстонией, но при этом сохраняющих свою идентичность [14, лк. 203-204].

В 1920 г. вступила в силу первая Конституция Эстонской Республики [10], которая была довольно либеральной для своего времени, отстаивала принципы свободы, равенства, но государственным языком становился только эстонский (немецкий и русский языки теряли свой официальный статус). При этом Конституция давала возможность национальным меньшинствам создавать свою культурную автономию и получать образование на родном языке. По сути это был компромисс между правящими кругами и национальными меньшинствами (в первую очередь немцами, чьё влияние было сильным). В последующие годы были созданы немецкая, шведская, финская культурные автономии, но разрешение на создание русской культурной автономии под разными предлогами получено не было (хотя русские были крупнейшим национальным меньшинством Республики). Скорей всего это связано, с одной стороны, с разобщённостью русской диаспоры и постоянным соперничеством разных групп в её рядах, а с другой стороны – со стремлением Эстонского государства избавиться от «русского влияния» в чём-либо и не допустить влияния соседней Советской России через организации соотечественников (а также не давать лишний повод для обвинений со стороны «восточного соседа» в недружественных действиях и поддержке контрреволюции). Возможностью же получать образование на родном языке воспользовались все национальные меньшинства.

Так, в Эстонии существовало около ста русских начальных школ, субсидируемых государством. Среднее образование можно было получить в платных русских гимназиях: в двух государственных – в Таллине и Нарве – и в одной частной – в Таллине. Единственным высшим учебным заведением с русским языком обучения были созданные в 1922 г. Русские высшие педагогические курсы (в 1935 г. переименованные в Частный политехнический институт). В Тартуском университете, где в 1920-е гг. часть лекций читалась на русском языке, также обучались русские студенты, хотя их количество, по сравнению с 1916 г., сократилось в три раза [12, лк. 380-382]. В Нарве, Таллине, Тарту и Печорах работали русские народные университеты [5, с. 19-21]. Таким образом, благодаря сохранению возможности получения образования на родном языке, пополнялись ряды новой местной русскоязычной интеллигенции, без которой невозможно было существование диаспоры как таковой.

Большинство немцев, русских, шведов, финнов (все, кто постоянно проживал на территории бывшей Эстляндской и северной части Лифляндской губерний) получили эстонское гражданство, а значит и избирательные права. Хотя у русскоязычного меньшинства и здесь была своя специфика: около половины русских составляли беженцы из Советской России [13], которые не являлись постоянными жителями бывших губерний, а значит не могли претендовать на упрощённое получение эстонского гражданства. Основной сферой политической деятельности русских были выборы в парламент Эстонии (Рийгикогу). Наибольших успехов удалось добиться на выборах в Рийгикогу 1932 г., когда в парламент, состоявший из 100 человек, по русскому списку было избрано 5 русских депутатов [5, с. 20].

Непросто развивались отношения государства и Русской православной церкви. Проблеме раскола Эстонской православной церкви посвящена отдельная статья автора [2], здесь же отметим лишь, что правительство Эстонии придерживалось тезиса «независимой стране – независимую Церковь» и стремилось избавиться от русского влияния в чём-либо. Таким образом, поощрялись выход Эстонской православной церкви из-под юрисдикции Московского Патриархата и переход в Константинопольский Патриархат.

Если говорить о 1920-х гг. в целом, это был период формирования прибалтийских русских. Кроме того, в 1920-е гг. происходило становление Эстонской Республики как независимого государства, создание его институтов, законодательства. Ощущалась острая нехватка специалистов в самых различных сферах

(государственное управление, образование, вооружённые силы), что вынуждало власти прибегать к помощи «старорежимной» элиты и интеллигенции русского и немецкого происхождения, а значит и проводить лояльную по отношению к национальным меньшинствам политику. Кроме всего прочего, в 1920-е гг. Эстония была демократическим государством, что давало возможность национальным меньшинствам отстаивать свои права в демократическом русле.

Но уже в начале 1930-х гг. ситуация кардинально меняется – набирают силу националистические настроения эстонцев, начинаются процессы эстонизации кадров, разделения церковных соборов по языку и др. Всё это было характерно для целого ряда стран Европы и связано с мировым финансовым кризисом, ростом безработицы, социальной напряжённости и, как следствие, крайнего национализма. В Эстонии появилась угроза прихода к власти националистов фашистского толка – вапсов¹, их популярность в народе была высока. Чтобы не допустить прихода к власти фашистов и сближения с Германией, высшие политические лица во главе с премьер-министром Константином Пятсом 12 марта 1934 г. совершили государственный переворот: было введено чрезвычайное положение, запрещены политические партии, независимая пресса, демонстрации и забастовки. Хотя фашистам не удалось прийти к власти в Эстонии, националистический уклон в политике усилился: прошли кампания по переименованию географических объектов, городов, улиц с немецкими и русскими названиями на эстонский лад, кампания по смене фамилий (у большинства эстонцев были немецкие фамилии), кампания эстонизации кадров государственных структур и всех сфер жизни общества. В условиях авторитарного режима, отсутствия парламентаризма национальные меньшинства потеряли возможность влиять на политику властей.

Тем не менее, экономическая и культурная жизнь в основном шла в русле буржуазной демократии. В конце 1930-х гг. социальные и образовательные структуры эстонцев и русских становятся схожими. Однако экономическое положение русского населения оказалось значительно ниже среднего по стране; в том числе и по сравнению с другими национальными меньшинствами [14, лк. 203-204]. Это было обусловлено, во-первых, составом русскоязычного населения (половина являлась беженцами, потерявшими всё в Гражданской войне), во-вторых, обрывом традиционных экономических связей с Россией, в которых особенно были задействованы местные русские (поставка сельскохозяйственной продукции из Причудья и др.).

Хотя формирование русской общины в Эстонии в силу описанных выше причин продвигалось сравнительно медленно, русское национальное меньшинство развивалось и самоорганизовывалось. Была создана своя культурная среда: школы, периодическая печать, театральные коллективы, библиотеки, народные дома. Молодежь уже не чувствовала, что пребывает в Эстонии временно. Интеллигенция русского происхождения прилагала усилия для сохранения национальных традиций в культуре, образовании и религии. Но она играла также весьма важную роль во многих отраслях жизни страны (в педагогике, медицине, технике, искусстве). Общей чертой в развитии интеллигенции Эстонии, в том числе и русской, было то, что она становилась «более автохтонной, местной по происхождению, образованию и менталитету» [Цит. по: 9, с. 124].

Для образованных русских, особенно в 1930-е гг. после установления в Эстонии авторитарного режима К. Пятса и усилившейся эстонизации, очень остро стал вопрос о сохранении своей национальной идентичности. Как считало большинство, путь к этому лежал через сохранение и развитие родной культуры, родного языка. Это, собственно, и составляло основную идею всей культурной деятельности русских в Эстонской Республике. К тому же к концу 1930-х гг. русские в Эстонии окончательно самоопределяются: они осознают себя как особую этнокультурную группу, отличную и от русских в СССР, и от русских эмигрантов в других странах, осознают необходимость создания своей особой русской субкультуры в Эстонии, другими словами становятся диаспорой в классическом понимании данного термина.

Культурная жизнь русских в 1920-1930-е гг. была весьма интенсивной и разнообразной. Центрами её были многочисленные русские культурно-просветительские, профессиональные и спортивные организации, объединившиеся в 1923 г. в Союз русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии (включал в себя более 90 обществ). Составной частью русской культурной жизни в Эстонской Республике была и печать, как периодическая, так и книжная. Всего в Эстонии в 1918-1940 гг. по подсчетам профессора М. Лотт было выпущено 928 наименований русских книг и брошюр [5, с. 20].

Таким образом, подводя итог развитию русскоязычной общины в Эстонии в 1920-1930-е гг., можно констатировать, что русское население Эстонской Республики в начале 1920-х гг. оказалось в более сложных условиях, нежели другие национальные группы (немцы, финны, шведы) в силу своей разобщённости, бедности и отсутствия поддержки со стороны метрополии (Советской России). Но, несмотря на эти трудности, с течением времени русскоязычное население Эстонии смогло адаптироваться и самоорганизоваться. Не достигнув значимых успехов на политическом поприще, русские создали множество просветительских и творческих организаций, обогатив культурную жизнь Эстонии и Русского Зарубежья в целом.

Политику же Эстонского государства по отношению к национальным меньшинствам можно разделить на два крупных этапа: либерализм 1920-х гг. (характеризовавшийся толерантным отношением и широким привлечением неэстонского населения к государственному строительству) и усиливающийся националистический уклон 1930-х гг. (авторитаризм, наступление на права национальных меньшинств, эстонизация).

Вместе с тем, несмотря на все сложности, к концу 1930-х гг. русскоязычную общину можно было назвать полноценной диаспорой, интегрировавшейся в эстонское общество, сохранявшей свою культуру и воспроизводившей русскоговорящую интеллигенцию.

¹ Вапсы (эст. *vapsid*, *Eesti Vabadussõjalaste Liit*; Движение участников Освободительной войны) – ветераны Гражданской войны в Эстонии 1918-1920 гг., сторонники независимости Эстонии.

Список литературы

1. **Гаврилин А. В.** Архипастырский путь Иоанна Гарклавса. Православные латыши: введение во храм. Гл. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2010/01/04.pdf (дата обращения: 24.10.2013).
2. **Зверев К. А.** Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. С. 36-39.
3. **Зверев К. А.** Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992-2007) // Клио. 2015. № 8. С. 164-169.
4. **Зверев К. А.** Этнополитическая ситуация в Эстонии накануне провозглашения независимости в конце 1980-х – начале 1990-х годов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 53-57.
5. **Исаков С. Г.** Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005.
6. **История Эстонской православной церкви** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthodox.ee/history.html> (дата обращения: 17.08.2016).
7. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=4952> (дата обращения: 17.08.2016).
8. **Православие в Эстонии:** исследования и документы: в 2-х т. / под ред. Н. В. Балашова, С. Л. Кравца. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 1.
9. **Сирк В.** Русская интеллигенция в Эстонии с последних лет царской власти до Второй мировой войны. Россия и Балтия. II. Эпоха перемен (1914-924). М., 2002. 243 с.
10. **Eesti Vabariigi põhiseadus (Конституция Эстонской Республики от 15 июня 1920 г.)** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/failid/1920.html> (дата обращения: 06.04.2016).
11. http://web-static.vm.ee/static/failid/358/Tartu_rah.pdf (дата обращения: 31.07.2016).
12. **Karjaharm T., Sirk V.** Voim ja vaim. Eesti haritlaskond 1917-1940. Tallinn, 2001. 409 lk.
13. **Rahvaloendused Eestis: 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population Censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. Tallinn: Statistikaamet, 1997. 55 lk.**
14. **Ruutsoo R.** Vene rahvusvahemuste ja tema identiteedi kujunemine Eesti Vabariigis 1920-1940 // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Humanitaar- ja Sotsiaalteadused. 1996. № 2.

**FORMATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY
IN THE REPUBLIC OF ESTONIA IN THE 1920-1930S****Zverev Kirill Aleksandrovich**, Ph. D. in History

Kostroma

zwerew.kir@yandex.ru

The article examines the process of the formation and development of the Russian-speaking diaspora in the Republic of Estonia in the 1920-1930s, and also the policy of the young Estonian state in relation to national minorities. The paper describes both difficulties, which the Russian-speaking population faced in the mentioned period, and the specificity of the Russian-speaking diaspora of Estonia in comparison with other national minorities of the country (the Germans, the Finns, and the Swedes). The causes and effects of Estonian state policy in relation to national minorities are analyzed.

Key words and phrases: Russian-speaking population; national minorities; diaspora; national policy; titular ethnic group; Estonian; self-organization.

УДК 37.062.2

Педагогические науки

В статье рассмотрен вопрос совершенствования воинского воспитания при помощи методики духовно-нравственного воспитания курсантов. Проведен краткий анализ научных публикаций по теме статьи, который выявил противоречие между объективной потребностью общества в духовно-нравственной личности будущего офицера, с одной стороны, и нынешним состоянием духовно-нравственного воспитания курсантов – с другой. В результате исследования сформулирована методика духовно-нравственного воспитания курсантов, которая позволит оказать целенаправленное воспитательное воздействие на личность будущего военного специалиста.

Ключевые слова и фразы: воспитание военнослужащих; личность курсанта; духовно-нравственное воспитание; Защитник Отечества; система духовно-нравственных ценностей.

Касавцев Михаил Юрьевич

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург

mk-spb@rambler.ru

**К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В ВОЕННО-УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**

Реформирование Вооруженных Сил Российской Федерации предъявляет новые, более высокие, требования к профессиональным качествам будущих офицеров. Это, в свою очередь, обуславливает новые требования